

Егор Русаков

Мрачное семилетие наших дней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Егор Русаков

Мрачное семилетие наших дней

«Автор»

2026

Русаков Е.

Мрачное семилетие наших дней / Е. Русаков — «Автор», 2026

Как писал Гоголь, в России всё меняется за двадцать лет и ничего за двести. Мы всё время возвращаемся к мрачным временам нашей культуры. Но история не повторяется буквально. Меняются обстоятельства, технологии и декорации, а вместе с ними — формы человеческого страха, надежды и сопротивления. «Мрачное семилетие нашего времени» — сборник рассказов, написанных после 2022 года. Здесь найдутся самые разные темы: война, любовь, судьбы мужчины и женщины, отцов и детей, мистические сцены и прочее. В них всё то, что скрывается от глаз большинства. Что не рассказывается пропагандой государства или оппозицией, покинувшей страну. Эта книга о людях, оставшихся в стране. О тех, кому предстояло жить, терять и надеяться. Об эпохе, которую ещё предстоит переосмыслить.

© Русаков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВОЙНА — АД КАЖДОГО	5
ЗАВТРА НАСТУПИТ НИКОГДА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Егор Русаков

Мрачное семилетие наших дней

ВОЙНА — АД КАЖДОГО

С тех пор, как я вернулся домой, меня все спрашивают:

— Ну расскажи, — говорят, — что там, как там?

А что я скажу? Война — это ад. Но есть такая профессия — убивать.

Мы не называли это войной. Она была у других. У правительственных войск, у революционеров, у сепаратистов и даже у соседних стран, решивших аннексировать чужой кусок земли.

Мы это называли «миротворческая операция на территории братской республики». Мы были не военные, мы были миротворцы.

Точно также нельзя было называть пропагандой то, что творилось в учебке. Это агитация. Но права на собственное мнение у нас не было.

Когда я подписывал контракт, — где, кстати, ни слова не было сказано о том, что я, оказывается, миротворец, — активные военные действия уже практически прекратились. Но всё равно было страшно.

Нас отправили в столицу региона. Второй город страны. Наша задача, как оказалось, была небольшой: просто поддерживать порядок. В какой-то момент я даже поверил, что мы действительно прилетели, чтобы восторжествовал мир. Хотя я и молчал, патриотично помня об отсутствии права на мнение, но никак не мог избавиться от ощущения оксюморона: войной проложить путь к миру.

Большую часть времени мы находились в укреплённой базе в аэропорту. Занимались всем, чем угодно, но только не военными действиями. Тренировки, куда ж без них. Но куда чаще это строительные работы либо обслуживание.

Лично я был помощником повара. Но недобросовестным. В основном я просто чистил овощи. И вот однажды старший повар посмотрел, как я почистил картошку, срезал все ростки, которые я проигнорировал, собрал их в миску и поставил передо мной со словами:

— На, жри.

Я смотрю, удивляюсь, думаю: «Он что, рехнулся?». А потом он добавлял:

— Если ты жрать это не хочешь, зачем других заставляешь?

Ну это армия, — подумал я, — наверное, по другому здесь не получается. Так доходчивее, наверное.

Да и платили мне за это тогда в пределах четырёх тысяч за сутки. Это если не боевые. Если вдруг боевые, то все двенадцать. На то время это были нереально приличные деньги.

Чтобы получить боевые, достаточно просто постоять часовым на посту. Либо поучаствовать в безобидной перестрелке.

Как происходили безобидные перестрелки? Ну например, бывало, местные сумасшедшие перебарщивали с самогоном, доставали из-под пола отцовское ружьё и шли к стенам нашего лагеря судьбу на прочность проверять. Они что-то кричали нам, затем стреляли в воздух. Мы, конечно же, ничего не понимали, потому что не знали языка, и просто кричали что-то аналогично невнятное в ответ и симметрично стреляли вверх.

По итогу: никто не пострадал, а оклад тройной. Не красота ли?

А в остальное время четыре тысячи за то, что ты тупо в картошке колупаешься. Или, например, таскаешь из стороны в сторону измазанную гуталином шину. Почему бы и нет?

И вот настал момент.

Набирали добровольцев в разведгруппу. Рвались все. Во-первых, тройной оклад со возможными дополнительными премиальными. Во-вторых, ты вроде как воевать прилетел, а занимаешься не пойми чем и скучно до невозможности. Меня, к счастью, взяли.

Наша задача была небольшой. В течение нескольких дней нам надо было прочесать территорию вокруг большого укрепленного пункта. Его держала организованная преступная группа. Местные сумасшедшие и бандиты. Сколотили банду на фоне гражданской войны.

Не сказать, что это было угрозой нам. Мы взяли бы штурмом этот пункт за сутки. Но командование не стремилось за наградами и терять людей ради этого считалось глупым. Поэтому решили просто осадить этот пункт и ждать, когда они сами там передохнут с голоду и от отсутствия воды и электричества. Ну или сдадутся.

Проблема была в том, что мы ждали, а они всё не дошли. Что-то было не так во всей этой истории. Вот и нас отправили разведать.

В нашей разведке не было ничего фантастического. Мы должны были переходить с одной точки на другую. Если бы видели аванпост противника, не приближались к нему, держали дистанцию, изучали, давали сведения на базу и двигались дальше.

Аэропорт – это всегда край города. С одной стороны мегаполис, с другой бескрайняя площадь пустой земли либо частный сектор, как было в нашем случае.

Все местные деревеньки были оставлены их жителями. Большинство покидало свои дома в спешке. Поэтому что-то оставалось. Чем, конечно, не могли не воспользоваться мародёры. Но это были не только вещи. Были оставлены и домашние животные.

Все существа на этой планете, как и люди, очень разные. Вот посмотришь на котов, ну чем-то похожи между собой, но каждый в отдельности такой уникальный, со своим характером и поведением.

Проходя мимо одной деревни к нам привязалась собака.

Это была очень глупая собака. Самая настоящая сука. Для неё никогда не было одного хозяина. Она готова была увязаться за любым. Достаточно было поделиться с ней едой или приласкать. А могла увязаться и без этого.

Об истории этой собаки можно было только гадать. Её приветливость всем подряд посреди ожесточённой междоусобной войны оставалась для нас загадкой.

Мы представляли её судьбу следующим образом.

Скорей всего эта собака изначально была одинока. Чудом нашлась семья, решившаяся её приютить. Но в доме держать её не стали. Она обитала во дворе.

Приходили, например, к этой семье гости. Собака выбегала при виде незнакомых ей людей и начинала лаять. А успокоившись, бросала свой дом, увязываясь за тем, на кого только что лаяла.

А потом в гости к этой семье, как и к миллионам других семей, пришла война. В общей суматохе, когда семья собиралась покинуть свой дом на поиски убежища, скорей всего собака сорвалась за очередным прохожим. Вернувшись она обнаружила уже, что семьи больше нет – ни у этого дома, ни у неё.

Когда наш отряд проходил через брошенные людьми дома, пёс прибил к нам. Эта деревня не представляла никакой стратегической ценности. Так что, скорей всего, собака впервые за долгое время увидела людей, которых не сопровождал шум войны.

Мы спросили командира:

— Что делать с собакой?

— Мне всё равно, — ответил он.

Поначалу мы пытались отогнать её. Но она упорно продолжала бежать за нами. Мы надеялись, вдруг прибьётся ещё к кому-либо. Поэтому, когда мы проходили мимо одного незаброшенного дома, попросили местного мужика прикормить собаку, чтобы она осталась с ним.

Мужчина испугался нас, ведь мы символизируем для него войну в той же мере, что и любой другой человек с оружием в руках в этой стране. И страх этот заставил его подчиниться нам. Но стоило собаке только доесть объедки, она тут же помчалась за нами и догнала.

Чёрт его знает, в чём было дело. Может, мужчина просто дал еду собаке и спрятался за дверь, как только мы покинула его двор. С таким обращением даже сучье сердце не растает. Вот она и помчалась вновь за нами.

Это был тяжёлый путь. Мы шли через пустыни и горные лесные массивы. Всё препятствовало благополучному выполнению поставленных задач. Мы были дезориентированы. Мы то и дело, что боялись нарваться на вражеский патруль, аванпост или вовсе выйти к вражеской базе вплотную. Поэтому двигались максимально осторожно, пытаясь не выдавать своё местоположение противнику.

Как вдруг собака завывала. Солдаты подбежали к ней, чтобы понять, что случилось. И когда подошёл уже я, всё было решено. Как оказалось, она провалилась под ловушку, устроенную местными жителями для диких животных. Что-то вроде самодельного капкана. И получила небольшую травму. Всё обошлось бы, если бы только не тот факт, что эта собака не прекращала скулить, как бы мы не пытались её успокоить.

Ко мне подбежал капитан, схватил меня за руку и подтянул к себе:

— Что это за ?

— Но что я поделаю, товарищ капитан?

— Заставь её замолчать.

— Но как?

— Не знаю. Не моя проблема. Сделай что-нибудь. Прикончи её.

— Но как? — не прекращал повторять я.

— Мне насрать! Она больше не должна выть!

Как сейчас помню. Измученный растерянный взгляд солдат, окруживших меня. Они все смотрели на меня. И никто из них не знал, как поступить.

Я не торопился. Снял ремень, обкрутил вокруг шеи собаки и начал медленно сдавливать.

Вой собаки быстро стих. Она сопротивлялась как могла. Извивалась, билась, пыталась вырваться. Но тщетно. Лишь хрип изредка вырывался из её пасти. Пока и вовсе не пропал. Собака затихла и запрокинула морду.

Мы пошли дальше. В тот день никто из нас не произнёс ни слова.

Прочесав всю территорию, мы обнаружили, что известные нам прежде патрули и аванпосты давно брошены. У противника не осталось ресурсов, чтобы удерживать эти позиции. Получается, что усилия нашего командования увенчались успехом.

Но назад мы возвращались опустошёнными. Крик собаки, который мог бы привлечь потенциального противника, оказался помехой настолько же потенциальной. Это была смерть, смысла в которой не было. Но кто из нас мог об этом знать тогда?

К аэропорту мы вернулись почти под закат. Люди в прилегающих поселениях готовили ужин. Устав от войны, они без опаски выходили во дворы и вместе с семьёй и друзьями жарили мясо. Это была территория свободы от ужасающей всех войны, от той усталости, которую она во всех закрепила.

Мы пошли дальше. В тот день никто из нас не произнёс ни слова.

Прочесав всю территорию, мы обнаружили, что известные нам прежде патрули и аванпосты давно брошены. У противника не осталось ресурсов, чтобы удерживать эти позиции. Получается, что усилия нашего командования увенчались успехом.

Но назад мы возвращались опустошёнными. Крик собаки, который мог бы привлечь потенциального противника, оказался помехой настолько же потенциальной. Это была смерть, смысла в которой не было. Но кто из нас мог об этом знать тогда?

К аэропорту мы вернулись почти под закат. Люди в прилегающих поселениях готовили ужин. Устав от войны, они без опаски выходили во дворы и вместе с семьёй и друзьями жарили мясо. Это была территория свободы от ужасающей всех войны, от той усталости, которую она во всех закрепила.

Проходя мимо одного из домов, к нам выбежала хозяйская собака. Она не лаяла на нас. Хотя, казалось бы, в этом её суть. Но она будто бы чувствовала, что мы спасители её дома. Она крутилась вокруг нас и хотела будто бы то ли поиграться, то ли подластиться. Я кинул кусочек сухого пайка, что оставался у меня. Собака в мгновение его съела. Я погладил её и она с благодарностью посмотрела на меня. А я посмотрел на командира. Он наблюдал за нами. И наши взгляды пересеклись.

Я его ни в чём не обвинял. Но мы оба чувствовали вину за произошедшее.

С тех пор, как я вернулся домой, многие меня спрашивают, убивал ли я на этой войне. Я говорю, конечно, что нет, ни один человек не погиб от моих рук. Но кровь с них мне так и не удалось отмыть.

ЗАВТРА НАСТУПИТ НИКОГДА

Это лето вышло поганым. Весь июнь проливные дожди затапливали город и вместе с ним небольшие деревеньки и дачи, куда съезжались городские по выходным, чтобы отдохнуть от будничной суеты.

Это было разочарованием для всех, но только не для Светы.

Она всегда просыпалась рано. Всё утро возилась в огороде. Но с такой погодой забота об урожае превращается в невозможную задачу. И она быстро бросала это дело.

Света жила с мамой. Та, в отличие от дочери, просыпалась ближе к полудню. Усаживалась в постели, укутанная в одеяле. Сидела и думала. Вспоминала, что ей нужно сделать за день. Затем вставала, варила себе кофе и начинала, например, лепить пельмени, как это было в тот день.

— О, ты уже проснулась, — сказала Света, когда вошла на кухню.

Мама неохотно покивала в ответ.

— Отлично. Я тогда поехала.

— Куда? — удивилась мама.

— За грибами.

— Ты что? С ума сошла?

— Отстань. Я знаю, что делаю.

Света не помнит, чтобы мама собирала грибы или ягоды. Кажется, она вообще никогда не бывала в лесу.

Она городской человек. Для неё дача была своего рода необходимостью, способом спастись от ужасов уральского лета. Откуда ей знать, когда стоит идти в лес за грибами?

Света занималась этим столько, сколько помнила себя. Она каждый раз не могла объяснить, почему за грибами стоит идти прямо сейчас. Это было чутьём, инстинктом, опытом десятилетий практики.

— На! — крикнула мама вдогонку. — Возьми с собой.

Она подала ей два спичечных коробка.

— Что это?

— Спички и соль.

Света раскрыла их, чтобы убедиться, где что лежит, и рассыпала немного соли на пол.

— Ой А зачем?

— Ну, чем чёрт не шутит.

— Хм Тоже верно.

Что касается грибников, стоит им только увидеть хотя бы одного собрата, возвращающегося из леса с охапкой грибов, в них тут же просыпается демон. Он шепчет:

— Эти грибы должны были быть моими!

И уже в следующий миг лес оккупирован десятками, сотнями в одночасье обезумевшими грибниками.

Поэтому грибов, очевидно, в лесу не было. Их уже собрали. Не дав толком вырасти. И не оставляя ничего остальным. Там где ходят люди, для себя ничего не найдёшь.

Пока Света бродила по лесу среди таких же случайных бродяг, она наткнулась и на местных зевак. На худощавых юрких бабок, которые удивились внезапному устремлению всех вокруг куда-то. Они просто бежали вслед за толпой, не прихватив с собой ничего: ни корзинки, ни мешочка, ни авоськи.

— Может быть, уже всё? Сезон кончился? — обратилась к Свете одна такая бабка.

Света не сразу поняла, что обращаются именно к ней. Да и обращалась ли? Так, поворачивала и прошла мимо. Так что ответила не сразу и невнятно:

— Да, наверное.

Но Света то знала, что грибы есть.

Покуда для одних это было просто прогулкой, а для других решением попытать удачу, для Светы это было наваждением.

Это было как охота. Она профессионально выслеживала грибы как жертву. Союзников в этом деле нет. Кто нашёл – получает всё. Так что любопытные бабки шли ко всем чертям.

Она шла всё дальше и дальше. Тайга силилась. Лесной массив становился всё гуще. Распительность всё выше. А людей всё меньше. И вот, когда вокруг не было ни души, она получает награду за веру и терпение.

Она вышла в широкую сосновую рощу, окутанную вдоль и поперёк грибными хребтами. Это были опята. Света их особенно любила. Они разрастались горстями. А в еде всегда были твёрдыми, хрустящими и по особенному вкусными.

Она достала нож и начала срезать грибы один за другим.

Пакеты стали стремительно наполняться. Иногда грибные хребты кончались. Свете приходилось карабкаться по земле и спускаться в овраги, где находились ещё и ещё опята.

Когда пакеты кончались и собирать добычу было уже не во что, она просто оттянула свою толстовку и начала собирать грибы уже в неё, едва справляясь одной рукой и пакет держать, и кофту оттягивать.

— Ладно, — выдохнула наконец-то Света. — Всех грибов не собрать.

Света решила, может потом вновь вернуться к этому же месту. Так что со спокойной душой она повернула назад со всеми корзинами и растянутой толстовкой наперевес.

Она пошла в обратном направлении. Ей казалось, что она в точности знала, как она сюда пришла. Потому что так случалось всегда. Ей удавалось с точностью запомнить всё то, что она проходила.

Всегда.

До этого дня.

Она шла в обратном направлении, но совершенно не узнавала то место, где ходила. Будто бы она шла не в обратном направлении, а дальше. Вперёд к неизвестности.

Она быстро забеспокоилась. Вокруг не было ни единого намёка на что-то знакомое. Ну знаете, обычно ты случайно запоминаешь тот или иной камешек, или странной формы деревце, или какой-нибудь глубокий овраг, которому нет аналога в лесу. Но тут ничего не было.

— Странно, — сказала Света вслух.

Больше всего она боялась поддаваться панике. А общение с самим собой помогало ей чувствовать, будто бы она не одна. Ведь ещё страшнее оказаться в панике в одиночестве.

— Пойдём в другую сторону. Может, что-нибудь из этого выйдет.

Повернув направо, Света двигалась всё дальше и дальше. Корзины были тяжёлыми. И вскоре паника стала сменяться раздражением. Искать путь, таская за собой столько вещей.

— Уму непостижимо, — говорила она сама себе, — оказаться в такой ситуации.

Но вскоре, завернув за очередной овраг, она оказалась вновь у той самой опушки, где она нашла грибы. Вокруг всё также никого. Но хотя бы панике конец. Более или менее знакомое место.

Поставив корзины на землю, Света постояла и передохнула. Она и представить не могла себе, насколько иногда много дискомфорта может принести то, что любишь больше всего на свете.

— Ладно, чёрт с ним, — сказала Света. Вновь взялась за корзины. И пошла уже в другом направлении. — Куда-нибудь да выйду.

В обратном направлении всё также. Сколько бы ни шла, всё в никуда. И вроде бы никуда не сворачивала. Но вновь вернулась к той опушке, с которой начала свой путь.

Света пожала плечами.

А что делать?

По крайней мере нельзя сказать, что потерялся до конца. Ведь есть какой-никакой ориентир.

И пошла дальше. Ведь А что ещё делать?

Когда Света вернулась к этой злосчастной опушке в третий раз, в её груди сердце забилося с такой частотой, как до этого было только перед экзаменом по аудиту.

— Я что, кругами хожу?

То, что Свете казалось паникой до этого, было лишь суетой. Настоящая паника её одолела только теперь.

Бросив корзины и обронив грибы из толстовки, Света, будто бы найдя второй дыхание, начала бежать вперёд, не сворачивая никуда в сторону. Бежала прямо в сторону, куда светило солнце.

Пока вновь не оказалась на этой же опушке.

— Что за чертовщина, — прошептала Света.

Она оглядывалась по сторонам.

Куда дальше?

Паника не покидала. Не отпускала. Не затихала. А только нарастала с каждым мгновением, с каждым лишним размышлением о том, что дальше.

Опять побежала. В другую сторону.

Опять опушка. Грёбанная полянка. От которой никуда не убежать.

Внутри всё провалилось. Опустошение.

Света села на листву. И навзрыд начала плакать.

Но реветь бесконечно невозможно. Чувства поутихнут и разум возьмёт своё.

Света обнаружила, что пропали корзинки. А на том месте, где она их оставила, даже листва не была примята.

Как будто это и было совсем другое место. Просто очень похожее. Зацикленное пространство. Вне пространства и времени.

Ну да, сейчас, — подумала Света, — насмотришься ерунды по телевидению, и начинаешь верить в невозможное. Астрономические гипотезы, выходящие за пределы законов физики, идеально вписывающиеся в журналистские сюжеты уровня канала Рен-ТВ.

Ну уж нет. Что-то, а сходить с ума раньше времени в критической ситуации стоит в самую последнюю очередь. И то, если и стоит, то только в крайнем случае и только ради развлечения.

Света сидела, размышляла.

Пока что ей всё это казалось будто бы загадкой, которую она никак не может решить. И чаще всего в таких случаях достаточно одного: отвлечься. Просто перезагрузить мозг, чтобы со свежей головой подойти к прежней задаче. И тогда она явно с большей вероятностью решится.

Света приняла за вполне вменяемое решение – подняться по дереву до самой макушки. Полагаю, ни к чему объяснять, какими последствиями может обернуться подобное решение. Не говоря уже о том, что особых навыков лазанья она не имела.

Когда паника перестала обременять, она решила хотя бы попытаться взобраться по стволу сосны. Любой, кто видел сосну, знает, что она подобна голому столбу, который обнесён сухими шершавыми опилками. Вздираться сложно. За что держаться то? И очень больно от того, как кора впивалась глубоко в кожу. Пропорционально той силе, с которой была хватка за дерево.

Но ничего другого не оставалось, — подумала Света.

И начала мало-помалу подниматься всё выше и выше.

Ветер, которого, казалось бы, не было вовсе, с каждым шагом вверх усиливался. К макушке он стал таким буйным как во время урагана. Не в силах совладать с таким порывом, Света решила слезть обратно. И тогда от ветра не осталось и дуновения.

— Что за ерунда?

Её будто обманывало собственное сознание. Свои же глаза и уши.

Ей начало уже казаться, что всё это в бреду. Может, ей это всё снится? Может, она лежит сейчас в своей постели и в три пота бьётся от какой-нибудь болячки, очередной неизлечимой чумы, неведомой инфекции, а её мозг ей присылает вот такие картинки.

— Ущипнуть себя что ли?

Ущипнула. Было больно. Но не проснулась.

Неужели всё наяву?

Ладно. Что ещё можно сделать?

Света начала судорожно перебирать в памяти различные знания. Возможно, легенды и мифы. Слышала ли она когда-нибудь о чём-то подобном вообще. И вдруг в этих историях были исходы, способствующие спасению.

И пока мозг судорожно беспорядочно сканировал информацию, тело никак не могло перестать суетиться. Света думала и озарялась по сторонам, потому что где-то там внутри сидела мысль, данная ей первобытными инстинктами «бей или беги»: может, просто бежать без остановки, пока куда-тонибудь наконец-то не выберешься.

Но тут же её судорожно сканирующий мозг, как ушедший на пенсию старенький притер, который дребезжит уже от любой задачи, вспоминал истории про людей, потерявшихся в лесу. Как они из-за своей нелепой паники начинали бежать и лишь сильнее углублялись в безлюдные места, пока вовсе не терялись в бескрайних просторах тайги.

Но сколько не думай, нужно что-то делать. Нужно идти дальше.

Так она и сделала. Шла подобно буддийским монахам, что научились медитации в ходьбе. Ноги шли, а голова была уже не здесь. Она думала, как над сложной шахматной задачей, где как будто бы ответ очевидный и на поверхности, но чего-то не хватало, чтобы его узреть.

Бродила она в основном вокруг этой опушки. То единственное, что казалось ей знакомым, было хотя бы каким-то ориентиром в месте, где потерялся.

Она наворачивала вокруг неё круги. Думая, решая и надеясь, что что-нибудь вокруг вдруг также изменится, как неожиданно переменчивая погода, и даст ей возможность выбраться из этой ловушки.

Делая уже третий или четвёртый круг, которые Света не считала, вдруг послышался страшное рычание зверя.

Мурашки по коже. Холод по спине. Сердце стало вырываться из груди. И ноги сами собой понеслись вперёд, куда глаза глядят.

Мысли, которые, казалось бы, только начали собираться в кучу и превращаться во что-то осмысленное, сформированное, разлетелись как конфетти.

И пока она думала обо всём этом, вдруг среди деревьев ей будто бы показалась фигура человека. Но попытавшись его разглядеть, он будто бы тут же исчез из виду.

— Что это такое?

Ей было легче от того, что она слышала собственный голос. Это отгоняло страх перед одиночеством. А ничто так не заставляет паниковать как одиночество в катастрофической ситуации.

Света попыталась вспомнить, что же она на самом деле увидела. Действительно ли это был человек? Потому что первые же зарисовки памяти давали ей точный ответ: это лишь твои надежды.

— Но там определённо что-то было! Но тогда это точно был не человек. А кто тогда? Какое-то существо? Животное? Медведь?

Ещё хуже. Света перестала рассуждать вслух. Тогда стоять на месте будет ещё больше ошибкой, чем просто бежать прочь от всего этого.

Постой-ка. Какой к чёрту медведь? Это было явно существо двуногое. И там было лицо. Да, совершенно не похожее на человеческое. Скорее какой-то заросший моховик человекоподобный. Свете тут же вспомнился снайперский камуфляж, который выглядит как кустарник.

Света вспомнила старые славянские легенды о духе леса, который пожирал всех потерявшихся в его доме. Он специально заманивал людей, а затем пугал их так, чтобы те терялись и не могли найти выход.

Но она никак не могла вспомнить, что же эти самые легенды говорят о том, как же всё-таки выбраться.

Она бегала из стороны в сторону. И оглядывалась по сторонам. Вдруг вновь увидит его. Вдруг убедится в своей правоте.

Но он же не дурак, чтобы подставяться. Верно? А когда один раз случайно попался, впредь будешь аккуратнее.

И чем дольше она бегала и размышляла, тем больше убеждалась, как всё это бессмысленно.

Резко развернувшись, она вновь увидела среди деревьев вдали фигуру человекоподобного существа.

И хотя Света моментально сконцентрировалась, а сознание у неё не было спутанным и затуманенным, всё вдруг вновь исчезло. То, что казалось человеком, стало его тенью. Лишь неким напоминанием того, чем оно было.

— Да быть такого не может, — думала Света.

И держала свой взор на том же месте, где увидела существо прежде. Хваталась глазами за образы крепкой хваткой.

Она начала медленно идти в ту сторону. Не моргая, не отворачиваясь. Не в надежде, что-то вновь увидеть. Наоборот. С мыслью, а вдруг это самое нечто в ловушке от её взгляда. И теперь лишь от неё всё зависит.

Она шла и шла. Оступаясь, запинаясь, но шла, не отрывая взгляд. И чем увереннее она шла, тем всё вокруг, — ветки, камни, кочки, — лишь сильнее как будто как назло само возлагало под её ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.